Глянцевый мемориал офсетному классику

Общая газ. – 1995 – 30 нояб. – с10.

Венедикт Ерофеев. Оставьте мою душу в покое (почти все). М., «Х.Г.С.»

ЕСЕ НА свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян, – писал Венедикт Ерофеев в «Москве – Петушках». И последнее издание его наследия – одно из подтверждений этой «леммы».

Все началось в семидесятые. Повесть «Москва – Петушки» восхитила своей ни на что не похожестью интеллигентские кухни. Войдя на них скромненько, в списках. Затем, в 1988 году была вдруг напечатана в журнале. Почему-то именно в «Трезвости и культуре». С купюрами, конечно.

Спустя два года был пик этой повести (а вместе с ней – и автора). «Москву – Петушки» напечатали маленькой книжечкой. Украсили ее бутылками с «Кубанской», подлинным железнодорожным расписанием и прочей атрибутикой, взятой из текста. Бумага – офсетная, самого низкого качества. Обложка – мягкая, еще «демократичнее» бумаги. Все это идеально соответствовало содержанию. Повесть читали в электричках, там же любовались и живыми иллюстрациями.

Затем про Венедикта Ерофеева стали забывать. Проскочила в альманахах «Вальпургиева ночь», отрезонировала в театральных залах, любители перформансов проехались до Петушков, кое-где мелькнул предсмертный фильм, отснятый англичанами...

Даже смерть писателя не сотрясла народ.

И вот появился «кирпич». «Почти все». Удивительнейшее издание.

В первую очередь удивляет цена. 35 тысяч в «Доме книги» на Новом Арбате. И полиграфические роскошества. Плотная, белейшая бумага, отличная печать, глянцевая суперобложка. В транспорте все это читать не станешь. Да и кресло с бокалом джин-тоника на подлокотнике не подойдет – не та проза.

В академичности «кирпич» опять-таки не заподозришь. Там, правда, есть недописанная и совсем не поддающаяся праздному чтению трагедия «Диссиденты, или Фанни Каплан». Опубликованы и записные книжки. Вероятно, полностью, поскольку там встречаются даже чужие фразы без кавычек и без ссылок (например, «в небеса запустил ананасом»). Но всякое хотя бы чуточку научное издание должно заканчиваться комментариями. Здесь же комментируется только предисловие Эпштейна, кстати, списанное с журнала «Золотой век» за позапрошлый год. Зато уж комментируется обстоятельно: на 23 страницы текста целых 64 ссылки.

Удивляет и название. Оно настолько никакое, заштампованное, что сразу забывается. Его приходится зазубривать, как клятву юных пионеров. Оно и в обиходе неудобно. Попробуйте сказать кому-нибудь: «Дай мне «Оставь мою душу в покое»!»

Содержание же книги удивляет более всего. Вдруг понимаешь с печалью, что лучшее, написанное Ерофеевым, давно уже опубликовано, прочитано, обыграно и позабыто. Что Ерофеев был явлением не столько искусства, сколько социума. Что его жизнь и миф о нем во многом превосходят его наследие – числом и качеством. И в наши дни его цитирует лишь узкий круг интеллигенции, быдлующей во вкусе программы «Времечко».

И единственная цель, которую может преследовать такая удивительная книга, – это удар по мифу всяческими несуразностями.

Возможно, они не хотели. Но так получилось.

Алексей МИТРОФАНОВ